

УДК 316.3

Р. Д. Лебедова

Кризисы власти и кризисы идентичности

Аннотация:

В статье описана взаимосвязь кризиса власти и кризиса идентичности в период общественной трансформации. Объект, на примере которого проводится анализ, - роман Благы Димитровой «Лицо». Исследованы причины и последствия кризиса личностной идентичности, обусловленного противоречием между идеалом и реальной действительностью. Идеал – нравственная опора и источник веры в духовные силы человека, но когда прошлое довлеет над настоящим кризис идентичности неизбежен.

Ключевые слова: идеал, реальность, власть, идеология, драматизм, литературный канон, кризис идентичности, тоталитаризм.

Об авторе: Лебедова Румяна Димитрова, доцент, доктор, Русенский университет «Ангел Кънчев» – Филиал Силистра.

В современной болгарской литературе интерес к проблемам кризиса личностной и социальной идентичности, связан с темой общественно-политической трансформации и с изменением отношения к скомпрометированным идеологическим нормам, узаконенным социалистической властью, которые проверяют на прочность человека и общество.

В период 1944-1990 гг. в Болгарии социалистические каноны имели статус официального искусства, которое развивалось под присмотром строгого взора Партии. Тотальные требования социалистического реализма, как формально утвержденного метода, связывали его парадигмами, имевшими идеологический и пропагандистский характер. Они определяли тематические доминанты, накладывали идейные императивы, утверждали сюжетные модели и комплексы персонажей. Следование им было гарантией синхронизации с господствующими социальными и культурными тенденциями и обеспечения защиты с политическим оттенком. Предварительно созданные схемы зачастую моделировались историческим контекстом. Их устойчивость, легитимность и популяризация осуществлялись посредством образовательной политики и издательской деятельности государства, через академическое литературоведение, периодические издания, писательские союзы и проведение литературных дискуссий.

Роман «Лицо» Благы Димитровой нарушает эстетику социалистического реализма, его идеологическую манеру, в которой через требования, предъявляемые тоталитарной властью к искусству, унифицируются художественные тексты. Этот роман ставит проблемы основных принципов народности, партийности, героизации, исторического оптимизма и фиксирует, как патетично заявленное стремление к утверждению гуманистических ценностей остается в сфере пропаганды. Роман «Лицо» Благы Димитровой является знаковым для 80-х гг. XX века – периода, в котором стало ясно видно, что основы социалистического реализма треснули. Он оказался включен в некое предварительно иерархизированное пространство идеологом, расшатался утвержденный им «классово-партийный подход», размылась отчетливая граница между

понятиями «положительный» и «отрицательный» герой, оказались переосмыслены некоторые ценностные ориентиры, указанные прежде литературным канонами как непоколебимые, и использовавшиеся для контроля над нормативно регламентированной эстетикой. Но не цензура.

Идеологии контролируют определенные представления и транслируют энергию большинства, распределяемую по классовому принципу, но в переходной ситуации меняется и сеть идеологем, которая структурирует мышление, определяет идентификационные механизмы и ценностные параметры. Идеологемы втискивают в прокрустово ложе и деформируют нравственный смысл стремления к переменам. Это порождает кризис власти, выражением которого становится поколебленная вера в идеалы.

Это явление уже само по себе – разрушение авторитета власти и создает бреши в матрице сюжетных схем. Это изменение ценностной интерпретации социалистического образа жизни просматривается в романе, текст которого изображает социалистическое общество, как образ с сумеречными характеристиками. Оно представлено в виде хорошо отлаженного механизма с претензией на могущество, направляемого «центральным руководством» посредством рычагов железной дисциплины, манипуляций и насилия. Устоявшаяся поведенческая модель объединяет через директивы, энтузиазм, накопленный опыт мудрых вождей и партийных функционеров, которые подчиняют жизнь указам и поручениям, ведут битвы, прокладывают пути к светлому будущему и гарантируют благоденствие в новом мире. Они – связующие гайки в этой новосозданной мегамашине, которая неотвратимо устремлена вперед, давя на пути все сантименты и сомнения. И человеческие судьбы.

Тематический центр романа «Лицо» изображает, как господствующие императивы общества приводят к человеческой драме и кризису личной идентичности. Кризисы идентичности порождают чувство растерянности, безысходности и вины и часто затрагивают четкие контуры моральных принципов, очерченные социальными и духовными тенденциями прошлого – опорой личности. Экзистенциальный выбор героев и способ, каким они отстаивают свои убеждения и достоинство – проекция точки зрения автора на проблему «время-власть-идентичность». Она показывает, как характерные для социалистического реализма темы интерпретируются в другом ракурсе и в этом смысле – изменяют свою семантическую нагрузку. Роман – контрапункт по отношению к литературным моделям, преднамеренно фиксированным господствующим «партийно-классовым принципом» и имеет антиканоничный характер. Он опровергает образцовую классификацию, по которой люди делятся на абсолютно хороших – принадлежащих к «новому миру», «новой вере» и тотально неблагонадежных (даже врагов) – тех, кто сомневается в чистоте и здравости идеологических императивов или проявляет сопротивление по отношению к скомпрометированным идеологическим моделям поведения. Эти особенности дают основание отнести роман к альтернативному канону, т.к. он не просто не вписывается, а «радикально отвергает или косвенно игнорирует» принципы соцреализма. Этот факт обусловил испытания, которые пришлось преодолеть автору и тексту на пути к своей читательской аудитории.

Книги, как и люди имеют свою судьбу и свою историю. «Лицо» (1981) один из романов, о котором можно написать свой роман по причине его тернистого пути, как литературной, так и социальной. Во многих отношениях судьба книги – зеркало времени, своеобразное «лицо» определенного исторического отрезка, который для Благи Димитровой является частью пути духовного созревания, выражением внутренней потребности нести «свою вину и ответственность» как гражданина и творца. В интервью Атанасу Свиленову она подчеркивала, что частично смысл жизни человека заключен в

мужестве преодолеть порог от одного состояния к другому – «от утопии – к реальности». Реальность поставила на проверку в личном плане ее мужество пережить в противоборстве с системой собственную метаморфозу. Реальность поставила ее перед испытанием достоинства, моральных критериев выбора, поиска и поддержания основных стимулов для жизни. В эссе «непредсказуемый мир» писательница признается, что для нее мощнейшим стимулом жизни является «личная ответственность за завтрашний день». Создание романа «Лицо» – отражение этого выбора. Его борьба за право на жизнь – также. Блага Димитрова работала над романом почти десять лет, хотя и с перерывами по ряду объективных причин. Для нее он превратился в судьбоносное произведение в «опус вите». «Лицо» – роман-документ, основанный на реальной истории, в которой переплелись судьбы ее друзей и близких, а также личные переживания. Этим обусловлен скрытый смысл повествования и психологизм изображения.

Мотив идентичности – ключевой в романах Благи Димитровой «Путешествие к самой себе» (1965), «Отклонение» (1967), «Лавина» (1971), «Лицо» (1981), названные литературными критиками философско-психологическими романами, в которых углубленная аналитичность мысли кристаллизована в афористичном высказывании в обобщения, представляющие социально-политический и моральный срез эпохи и процесс самоопределения в нем. Психологическая проникновенность самоанализа, личная точка зрения при оценке нравственных и социальных проблем, умозрительное начало, умение создавать панорамную картину действительности, – все это существенные особенности ее творческого почерка. Именно они, однако, и превратились в объект острых нападков со стороны социалистической критики, особенно в связи с обсуждением романа «Лицо», в котором с точки зрения социалистического реализма нарушены канонические принципы изображения жизни. По этой причине роман в годы социализма был запрещен.

В период 1944-1990 г. социалистический реализм имел статус официального искусства. Он был выражением легитимизированной и институционализированной воли Партии, Вождя, Идеологии. Его непреложные принципы зорко и беспрекословно охранялись цензурой. Социалистический реализм предлагался как доминанта реалистичного изображения жизни в литературных произведениях и пропагандировал идейный пафос посредством демонстрации догматических представлений о «новом времени» и «новом человеке», воплощавших безусловную веру в «светлое будущее». Каноническое социалистическое общество представлено в образе могучего механизма, управляемого «центральным руководством» посредством рычагов энтузиазма, инициатив, внедрений опыта (чаще всего советского) мудрыми вождями и партийными функционерами, которые подчинили свою жизнь «декретам» и «приказам». Победа измеряется завоеванным авторитетом, плодом приобретенного «ценного опыта» или идеологической благонадежности, доказанной безусловной лояльностью к «Директивам», пропагандируемым посредством лозунгов, призывов, манифестов, доведенных до истеричных высот. Безропотная жизнь в условиях манипуляции и унификации гарантирует хорошее положение в социальной иерархии, следование партийным приказам в искусстве и замыкание в идеологемах – творческий успех.

Центральный образ в романе «Лицо» – Бора, идеалистка с революционным прошлым, которая болезненно и целительно переживает личный кризис идентичности, обусловленный поменявшимися взглядами на эпоху 50-х гг. XX в. и ее сущность, оказавшуюся отличной от ожидаемого нового общества «братства, равенства и справедливости».

Поскольку мир несовершенен, то и человек не может добиться достижения полной и абсолютной реализации, процесс трансформации неизбежен. Хотя и

болезненный он является спасительным. Человек всегда наделен большим потенциалом, чем тот, что он сам в себе предполагает. Уязвимый перед эпохой и ее превратностями, поглощенный старанием узнать мир и постигнуть истину о своем месте в нем, он формирует новые идентификационные горизонты своего социального и духовного бытия. Метаморфозы самоопределения создают различные модуляции пережитого – сомнение в прежних авторитетах и опорах, также колебания в отношении принятия новых – «блуждающий поиск», в процессе которого единственным спасением становятся «собственные корни, самосознание» [1, с. 119].

Почувствовав себя изгнанником в мире, где вещи уже лишены первичного смысла, и потеряв веру в идеалы, которые очерчивали горизонт его смысла жизни, человек переживает кризис идентичности. Экзистенциальные конфликты нарушают привычную целостность и ценностную значимость и порождают потребность как в новых опорах и координатах, так и в духовном и социальном перерождении.

Для Боры трансформация обусловлена фактом, что современный образ реальности оказывается отличным от того, на котором строятся ее экзистенциальные представления. Фундаментальные рамки ее существования, нарисованная картина мира, в которую она верила оказывается расколотой. Этическое несоответствие идеала и реальности приводит к разрыву с окружающий ее действительностью, порождающему пограничную ситуацию, преодолев которую она становится свободной от иллюзий «нового мира». Процесс духовного преображения представлен как преодоление гипноза идеализации, доходящего до ослепления.

Кризис идентичности обусловлен изменением точки зрения. Другой угол зрения чертит другой образ эпохи. Другой образ самого себя. Другую шкалу ценностей жизни. В определенном смысле это «реализованное стремление к различию», пробуждение спящей энергии и самообновление, переживаемое с болями от оттаивания.

По канонам социалистического реализма изображение нового человека, новой морали, нового мира всецело подчинено идеологическим клише. Инакомыслящие подвергаются санкциям и маргинализируются. Такой подход создает двуполярную модель, в которой доминирует графический рисунок и мешает достижению жизненной полнокровности образов.

В начале романа образ Боры выстроен в духе социалистической эстетики – с акцентом на аскетичность – подавление живости выражается через походку, одежду, обстановку ее дома, манеру общения и поведение. Идеологическая схема поведенческой модели предопределяет обезличенный и стерильный образ женщины, лишенной женственности, строгой, далекой от соблазнов жизни. Кажется, все у нее запрограммировано, втиснуто в прокрустово ложе идеологической унификации. Она из тех людей, преданных высшим и недостижимым идеалам, высшая ценность новой эпохи, чья вера, кажется, неподвластна повреждению. Самоотверженная и бескомпромиссная в исполнении своей миссии, она, однако, сознает, что теряет устойчивость, что «марксизм – смысл ее жизни – превращается в вероучение», что схематизм и догматика отталкивают молодежь, т.к. стали уже не идеалом, а обязательным школярским предметом, которым пользуются для «осуществления и оправдания унификации, подавления мышления...». И это прозрение обесценивает ее усилия. Расшатывается ее уверенность в решениях и действиях, она отдаляется от студентов, до которых так и не смогла достучаться, болезненно осознает, как воспринимаются идейные постулаты – равнодушно, как банальности, а порой с откровенной и неприкрытой иронией, обусловленной процессом изменений. Осознание противоречий болезненно, но и наполнено целительной энергией. Это попытка сохранения восприимчивости и адекватности в мире таком, какой он есть, попытка спастись от окостенения.

Процесс расшатывания идентичности усиливается и тем фактом, что Бора проживает полноценную жизнь не в реальности, а в снах, мыслях и воспоминаниях. Они являются неким вневременным фоном ее обычной человеческой жизни. Ее социальная активность не компенсируется пустотой личной жизни, степень удовлетворенности достигнутым не соответствует ожиданиям, вложенной энергии и благим намерениям.

Каноническая незыблемость идеологем, сформировавших основу ее личностной идентичности, оказалась разрушительной. Ее идейные представления и принципы, лишенные гибкости и способности адаптироваться к изменениям, предопределили деструкцию и сделали ее неизбежной и фатальной. Кризис, который она переживает – прорыв в монотонном ритме ее доведенного до абсурда самоотвержении, отклонение от запрограммированного типа поведения, обещание раскола в идеологической однобокости ее мышления и поведения.

Судьба Бору иллюстрирует судьбу тех «идеалистов-неудачников, которые оказываются препятствием на пути построения новой конфигурации власти» [2, с. 37]. Реальность бросает на них тень сомнения и приводит к омрачению идеала. Идеалисты маргинализируются. Под лозунгами новой эпохи и нового человека укрепляются позиции людей, которые встроены в неподвижную структуру, создают прослойку привилегированной «партийной бюрократии». Заветная «народная власть» оказывается «эпохой догматики», которая как «родимое пятно на лбу», время, когда реальные интересы скрываются за проповедью идеала и действий во имя коммунистических принципов. Она теряет уверенность в прежнем убеждении, что новое общество опирается на «критику, самоуправление, саморазвитие, самосовершенствование» и осознает, что в этом «новом» мире господствует «обратная перспектива дна» – только там человек свободен от страха.

Потерянное социальное признание – знак достигнутой психосоциальной идентичности на индивидуальном уровне, лишь последствие духовного кризиса. Самоощущение «принадлежности к самой жертвенной части этого эгоистичного человечества» больше не спасательно, а превращает ее в анахронизм, т.к. все романтическое, происходившее в сфере героическо-революционном, является органичной частью только реальности снов и воспоминаний. Это драматический контрапункт настоящего, в котором пафос возвеличивания и политических деклараций – просто идеологическое клише, за которым скрываются или догматическая слепота, или хамелионское приспособленчество, или раболепное принятие чиновничьей модели, которое обеспечивает благоденствие. Возникшие сомнения в значимости и моральной пользе социальной роли радетеля за чистоту идеалов и блюстители нравственных устоев «нового» человека, а так же и в гуманности и справедливости стратегии их достижения, порождает драму личности.

Самоосознание и самоутверждение путем отказа от иллюзий и признания вины – это единственная возможная свобода для человека, чья этическая ответственность обуславливает и выбор – *выздоровление от гипноза успеха, выздоровление от непрестанной бдительности, выздоровление от перестраховок, от подъема по иерархической лестнице...* потеря привилегий, но сохранение своей мерки – отличной от бюрократической модели. Остаться с незапятнанным лицом, осознав свою идентичность и как «сущность» и как «самость» (Рикёр).

Кризис личностной и социальной идентичности – проекция утраченной устойчивости идеологической системы, поддерживающей картину мира, которая имеет ясную перспективу будущего и ценностные ориентиры, основанные на заботе о духовной свободе человека. Тоталитаризм присваивает власти право регулировать людские судьбы и требует однообразия выбора в социокультурных взаимодействиях. Что является полным отсутствием свободы. Ее достигают только те, кто своими

ценностями и поведением ставит себя вне этого прокрустова ложа, ценой маргинализации и отказа от достигнутого социального статуса, как формы бунта против альтернативы – социальной мимикрии.

Бреши тоталитарной системы проявляются не в отходе от партии многолетних ее членов, а в неудачах по массовому привлечению новых сил в молодежной среде, согласно исследованию Анны Аренд. В романе «Лицо» нарушенное однообразие в типичном образе «нового человека» проявилось именно в этой тенденции. Если принять тезис Милана Кундеры («Искусство романа»), что человек стремится жить в мире, где добро и зло ясно различимы, так как имеет врожденное и неукротимое желание судить, более чем понять, - желание на котором зиждятся религии и идеологии – то расшатанная критичность, преодоленные максимализм и стремление Боря понять тенденцию отчуждения от идеологии коммунизма являются выражением преодоления догматизма. Этот процесс представлен как прозрение к реальности – эмоциональное и идеологическое раскрепощение, духовное созревание в результате пройденного пути, который упирается в стену, и опыта «перевернутого времени».

Философско-психологическое осмысление проблемы идентичности осуществлено с точки зрения идеалиста, преодолевшего внутренние противоречия, сомнения и открытия, прошедшего трудный путь самопознания. Драматизм переживаний обусловлен тем, что экзистенциальное время человека не вписывается и не укладывается в идеологически утвержденную «модель мира», которая откровенно дискредитирована. Ее фрагментированный, лишенный монолитности образ оказывается копией с идеала, версией, которая не тождественна оригиналу. Подмена – результат имитации, спонтанной или намеренной, с идентичным результатом: она представляет идеал как абстрацию, разоблачает иллюзию коллективной сплоченности и навязывает недоверие как оценочную позицию, что с болезненной категоричностью компрометирует претензию тоталитарной власти на улучшение человека и общества.

Библиографический список:

1. Аренд, Х. Тоталитаризмът. С., 1993.
2. Ериксън, Е. Идентичност. Младост и криза. Наука и изкуство, С., 1996.
3. Знеполски, Ив. Българският комунизъм. Социокултурни черти и властова траектория. С., 2008.
4. Рикъор, П. Самият себе си като някой друг. Плевен, 2004.
5. Ясперс, К. Духовната ситуация на времето. С., 1996.

Lebedova R.D. Crises of authority and crises of identity

It outlines the interdependence of the crisis of power in a period of social transformation and the crisis of identity. The text discusses the novel "Litso", written by Blaga Dimitrova. It studies the causes and consequences of the crisis of the personal identity, determined by the contradiction between the ideal and the reality during totalitarianism era. The ideal represents the moral support and source of faith in the spiritual power of man, but when the past dominates excessively the present, the identity crisis is inevitable.

Keywords: Literary canon, power, ideology, dramatism, ideal, reality, identity crisis, totalitarianism